

Вечерняя Москва № 266.
Гор. Москва. 1934г. 20 ноября.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕАТР

М. ЗАГОРСКИЙ

1.

ГАСТРОЛИРУЮЩИЙ сейчас в Москве Ленинградский литературный театр очень смутно видимо представляет себе, что такое театр и что такое литература в ее повествовательной форме. Он берет отрывок из «Войны и мира» Толстого, распределяет текст между двумя чтецами-актерами, дает им костюм, прическу, парики, направляет на них луч прожектора и думает, что это — театр. Роковая ошибка. Он берет сцену у фонтана из «Бориса Годунова», распределяет мизансцены и заставляет актеров в костюмах и прическах «разыгрывать» стихи Пушкина и думает, что это — литература. Досадное недоразумение.

Театр имеет дело не с романами и повестями, а с драматургией, и вот почему Гоголь сказал: «Драма живет только на сцене — без нее она, как душа без тела». Литературный театр в этом смысле только одно тело, без души, так как он оставляет себе сцену или, вернее, сценическую площадку, но изгоняет с нее драму или, вернее, драматургическую композицию.

В Москве работает аналогичный

театр — «Современник» В. Яхонтова. И он ставит себе такую же цель — донести до слушателей художественную прозу и лирическую поэму. Но разве хотя бы в его «Пetersбурге» перед нами не своеобразное драматургическое произведение, включающее ряд отрывков из классических шедевров и построенное по всем законам сценической композиции? Вот почему это — театр. И другой пример — А. Я. Закушняк, оставивший нам замечательные образцы художественного чтения, приведенного через восприятие большого актера. И это никогда не было театром.

Мы знаем в Москве еще одного замечательного чтеца — В. И. Качалова. В «Воскресении» он «читает» текст Л. Толстого, и это — театр, потому что каждый отрывок здесь включен в действие. И он же, читающий эти отрывки на эстраде, уже вне законов театра. Только чтец исключительной силы. Таков и Москвин в чеховском репертуаре на эстраде. Но как рассмеялись бы и Качалов и Москвин, если бы кто-либо предложил им назвать эти чтения «театром»...

2.

Все это к тому, что Ленинградский литературный театр ставит себе в особую заслугу показ художественных произведений «от доски до доски», от эпиграфа до последней точки. В «Пиковой даме», например, разыгрываются даже авторские ремарки — «сказал он», «ответила она», — при чем часто это говорит само действующее лицо.

К чему приводит этот отказ от

основного элемента всякого театра — драматургии? К тому, что Пушкин перестал быть Пушкиным и превратился под лучом прожектора в инсценировщика очень скучного анекдота.

Перед началом спектакля художественный руководитель театра О. Михальцева очень длинно и странно рассказала зрителям о замыслах Пушкина и о том, как «наврал» Чайковский в своей опере. Опасное упоминание! В опере Чайковского мало Пушкина, но зато много замечательной музыки. В спектакле же Литературного театра нет ни музыки пушкинской прозы, ни понимания законов всякого театрального восприятия. Вот уж поистине был прав Дидро, сказавший про аналогичный случай: «Никто не говорит лучше об искусстве, чем мадам Рикабини, но никто не играет хуже». Впрочем О. Михальцева сама не играет, а только «комментирует». Но хороший комментарий к плохому спектаклю — не напоминает ли увертюру к неаппетитной опере? Или... прекрасную горчицу к несостоявшемуся ужину? В последнее время этой горчицей стали злоупотреблять многие режиссеры...

А в том, что «Пиковая дама» Пушкина совсем не то, что показывают в Литературном театре, убеждает нас многое. И прежде всего — произвольная и ничем неоправданная разбивка текста между действующими лицами. «И вот моя жизнь!» — подумала Лизавета Ивановна. Казалось бы эту пушкинскую фразу должна сказать сама Лизавета Ивановна, стоящая перед зрите-

лем на сценической площадке. Но нет, вместо нее эту фразу говорит стоящий около нее партнер. И так на протяжении всего спектакля. И в виду того, что все его персонажи одеты в костюмы того времени и пытаются «играть», это сразу же ломает пушкинскую форму и уводит далеко от величайшего образа, чеканной, лаконичной и мудрой классической прозы. Повесть тут истит театру, пытающемуся навести на нее прим и наклейть мушки. Театр же высовывает длинный, иронический язычок повести, заставляя зрителей выслушивать длинные характеристики героев в то время, как они жаждут увидеть их поступки. Честное чтение пушкинской прозы без огней рампы и звона шпор было бы здесь уместнее, чем попытка превратить ее в спектакль, оставляя повесть, т. е. попытки совершить нечто абсурдное и несовместимое. Сам Пушкин был ярким врагом таких мистификаций и подмен, говоря, что «петербургские журналы оудат о литературе, как о музыке, и о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь»... Это не значит, что мы не вправе превратить «Пиковую даму» в спектакль, но это значит, что мы обязаны при этом делать это драматургически, а не иллюстраторски, монтируя заново пушкинский материал.

3.

Есть у Литературного театра и крупное достижение. Это — «Сказка об Алешке Рязань и дядьке Беломоре» Льва Кассиля. Здесь театр, не мудрствуя лукаво, прочел очень удачно и ярко хороший сказ о

том, как беспризорный и вор Алешка вырос и стал человеком и героем на стройке исторического канала. В точном соответствии с формой детского рассказа театр пустил в ход простодушные и очень скупые приемы восточного театра с его сознательной игрой на воображении зрителя. Несколько кусков цветных материй, извивающихся в руках актеров, — и вот вам моря, реки и шлюзы! Никакого грима, никакого парикмахера, никакого портного — без всяких претензий на театр, без «ролей» и без «переживаний» — просто, весело и легко развертывается линия рассказа, расцветиваемая улыбкой и ласковой интонацией...

Это и есть подлинный путь для этого коллектива, задача которого ясна — быть проводником хорошей литературы. Не столько для зрителей, сколько для слушателей. В этом плане удачны в его программе и рассказ Чехова «В море» и рассказ Гюи де-Мопассана «Исповедь Сабо». Здесь он в своей сфере. Но зато раз навсегда ему надо вычеркнуть из списка своих работ отрывок из пушкинского «Бориса Годунова». Это уже театр Пушкина, требующий очень большой и зрелой театральной культуры. И если нельзя подменить читку повести Пушкина актерской игрой, то и его трагедию нельзя подменить только читкой в гриме. А на большее актеры Литературного театра пока не вправе претендовать.

В конце концов истина очень проста — трагедию надо играть, а повесть — читать. Все остальное от лукавого...